

General Theoretical Aspects In Synchronical Typological Learning Of English Adverbs (Adverb Goals)

Кабулова У.С.,

кандидат филологических наук,
доцент Андижанского государственного университета.

Сайидирахимова Н.С.,

кандидат филологических наук,
доцент Ташкентского государственного университета
узбекского языка и литературы имени Алишера Навои.

E-mail: nasibatashkent@mail.ru

Abstract: Questions of the parts of speech (further PS) - among the central problems of the theory of grammar. The study of the problems of the PS has its deep historical history (from the ancient times of the history of linguistics). Despite this, many of the theoretical problems of the PS have not yet been fully developed.

Tajik and Uzbek languages differ from each other in the nature of the process of conjunctionalization of adverbs. In the Uzbek language, conjunctionalization creates postpositions, and in Tajik pretexts. In this article, these features are explained by the fact that the Uzbek language in its grammatical structure refers to the languages of the agglutinative system, and the Tajik one is a partially inflectional system.

Key words: *conjunctionalization, adverb, postpositions, prepositions, agglutination, specificity, differentiation, grammatical structure, inflectional system, parts of speech, classification, hybrid category, gerunds, lexico-grammatical category, state actions.*

Language: *Russian*

ОБЩИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СИНХРОННО ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ. НАРЕЧИЯ ЦЕЛИ (зарфи мақсад // мақсад равиши)

Аннотация: Вопросы частей речи (далее ЧР) - в числе центральных проблем теории грамматики. Изучение проблем ЧР имеет свою давнюю историю (с античных времен истории языкознания). Несмотря на это, многие теоретические проблемы ЧР до сих пор не вполне разработаны. Разногласия ученых наблюдаются даже в классификации ЧР.

Таджикские и узбекские языки отличаются друг от друга и в отношении характера процесса конъюнкционализации наречий. В узбекском языке при конъюнкционализации образуются послелого, а в таджикском предлоги. В данной статье эти особенности объясняются тем, что узбекский по своему грамматическому строю относится к языкам агглютинативного строя, а таджикский, частично флективного строя.

Ключевые слова: конъюнкционализация, наречие, послелого, предлоги, агглютинация, специфика, дифференциация, грамматический строй, флективный строй, части речи, классификация, гибридная категория, деепричастия, лексико-грамматическая категория, действия состояния.

Введение

Наречия данной семантической группы обозначают цель совершенного (завершенного) или не совершенного (незавершенного) действия-состояния, которые представляются в обоих языках в малом количестве.

В узбекском языке система наречий цели состоит из слов *атай, атайин, атайлаб, жўрттага, аzza-базза, қасддан*, заимствованных с узбекским языком из таджикского. В таджикском языке наречия цели, кроме слова *қасддан*, являются производными, образованы посредством суффикса **-и** (нодони); префиксов **бе-** (бехуда, бедарак), **бар-** (барқасд), некоторые из них путем редупликации: *дида-ю дониста, дониста-ю нодониста, бемавриду+бомаврид*.

Наречия цели *лutfан, таъкидан* заимствованы в таджикский язык из арабского. Следует отметить, что некоторые

наречия в сопоставительно изучаемых языках являются многозначными.

Например, наречия типа *бехуда, бедарак* употребляются и в значении цели, и в значении образа действия. Например, слово *бедарак* в предложении *Уруш вақтида кўп йигитлар бедарак йўқолди* обозначает не цель совершения действия, а образа действия совершения действия – состояния. Подобная же особенность наблюдается в употреблениях слово *ношloch* в таджикском языке.

Актуальность

Исследования общелингвистических особенностей наречий таджикского и узбекского языков представило себе возможность определить специфику части речевой природы разных способов их образования; их семантические дифференциации перерождения, принципов семантической мотивации употребления данных слов

законов в контекстах различных уровней, особенности создания кодифицированного инвентаря словообразовательных арсеналов; характеристики смысловых ориентаций словесных знаков, возможности изучения комбинаторики словообразовательных элементов (суффиксально-префиксальный, префиксальный, суффиксальный, инфиксальный повторов и др.) регуляции способов образования, выявления принципов и презентации наречий в контексте, в процессе совместности, преобразовании или взаимодействии словообразовательных инвентарей в структуре наречий и многие другие аспекты исследуемого объекта:

1. Исследование фактический и фактологический материалы определяют, что наречия таджикского и узбекского языков представляют собой особую лексическую категорию, с однотипной синтаксической функцией, выражающей признак действия, признак признака и признак предмета.

2. В таджикском и узбекском языках наречие - это часть речи, включающая несклоняемые и неспрягаемые слова, обозначающие различные обстоятельственные значения, сближаясь с различного рода обстоятельственными и конструкциями, поясняя

обстоятельства или характер действия, обозначенного глагола.

3. В обоих языках наречия могут относиться к глаголу (*читать выразительно*), прилагательному (*ослепительно белый*) наречию (*весьма быстро*) и существительному (*совсем дитя*).

4. Наречиям таджикского и узбекского языков как части речи присущи следующие морфологические особенности: а) отсутствие форм склонения и спряжения; б) специфические словообразовательные средства: суффиксы, префиксы, инфиксы, повторы; в) соотносительность с другими частями речи: с существительными (*воля-волю*), с прилагательными (*темная-втемную*) с местоимениями (*наш-по-нашему*), числительными (*трое-втроем*), с деепричастиями (*молчать-молча*) и др.

5. В таджикском и узбекском языках наречия имеют функциональный статус обстоятельств.

6. По лексическому своему значению наречия дифференцируются в изучаемых языках на две группы: 1) обстоятельственные наречия и 2) определительные (необстоятельственные) наречия.

Обстоятельственные наречия в таджикском и узбекском языках имеют следующие лингвистические особенности: обозначают различные условия

(обстоятельства), в которых протекает действие (время, место, причину цель действия, относясь к глаголу однотипные синтаксические функции).

Определительные наречия в изучаемых языках – обозначают: качество, количество, способ действия или его образ; однотипные синтаксические функции, относясь не только к глаголу, но и к прилагательному, наречию и существительному.

7. Наречия относятся к синсемантическим группам ЧР, чем они отличаются от автосемантических групп их общей системы. Синсемантическому статусу наречия безразлично, относится ли оно к языкам агглютинативного строя или флективного.

8. Синтаксическая функция наречия – это функция обстоятельства в предложении, что является его изосемантической функцией [7, с.138]. Наречиям свойственна и функция неизосемантическая, которая соотносится функцией других членов предложения, а не обстоятельственной. Что носит характер общелингвистической особенности для таджикского, и узбекского языков.

9. В диапазоне наречных микролексем таджикского и узбекского языков имеется общий для обоих языков пласт лексики заимствованной из арабского

языка: *аввало, азал, ахён-ахён, виждонан, вокеан, доимо, доимий, жисмонан, ихтиёрий, мажбуран, тақроран, тасодифан, таклидан* и т.д., некоторые из них заимствованы из арабского языка в узбекский через таджикский язык [5, с. 168-169] .

10. При образовании сложных, парных и повторных наречий: *ин чобу ер, он чо-у ер, ин тараф-бу тараф, хар чо-хар ер, хар чо-хар чо-хар ер хар ер, имруз (ин руз- бугун (бу кун))* и т.д. наблюдается однозначный идентичный способ образования в изучаемых языках.

11. И в таджикском, и в узбекском языках аффиксация и композиция являются ведущими способом и словообразования. Но следует отметить, что в таджикском аффиксальном словообразовании, в отличие от узбекского, функционирует и внутренняя инфиксация разновидность (*пасупеш, бахсмабахс, якбаяк*) и префиксация *бемалол, беист, бешитоб, бехато, ногоҳ, нохост, ношумур, багоят, бамаврид, бакулли, боазоб, бошаст, боэйтиёт, дархол, дартоз, даррав, рафт, торафт* и т.д.). В узбекском языке встречаются наречия типа *бехад, беадад, бехисоб* и т.д., которые заимствованы в узбекский язык из таджикского [5, с.168] .

12. В узбекском языке имеются наречия типа *кўчама-*

кўча, бирма-бир, эшикма-эшик, образованные по модели таджикского словообразования смешанного типа (композиция-инфиксация) *дарбадар, якбаяк* и др.

13. В таджикском и узбекском языках наблюдается процесс конъюнкционализации наречий, т.е. переход наречий в служебные слова. В узбекском языке в процесс конъюнкционализации наречия преобразуются в послелопи, а в таджикском в предлоги.

Учитывая своеобразный характер общелингвистических особенностей наречий и их категории в узбекском и таджикском языках внутренние их группировки, специфические свойства, лексико-грамматическую специфику многообразия разноуровневых средств выражения, типы их языковых значений, семантику, что дальнейшие исследования в перспективе внесут дополнения в предложенный нами набор признаков.

Итак, и семантический план наречий представляет собой своеобразную систему, что характерно для категории наречий и узбекского, и таджикского языков [6, с.166].

Части речи являются одной из дискуссионных и актуальнейших проблем языкознания. Изучение вопросов частей речи имеет свою глубокую историю, являлись

объектом науки о языке с античных времен (древнеиндийское, латино-греческое, арабское языкознание). Однако, отдельные вопросы, связанные с проблемами ЧР остаются не решенными, и ныне наблюдается неоднозначность даже в их классификации.

Неоднозначны точки зрения специалистов и в отношении лексико-грамматических категорий общей системы ЧР, одной из которых является лексико-грамматическая категория наречия.

Наречием образуются признаки и качества действия, состояния. Признак и качества – значения общеграмматическое, свойственные и другим лексико-грамматическим категориям системы ЧР. С точки зрения обозначения признаки, качества к наречиям приближаются лексико-грамматические категории прилагательных и глаголов. Значение признака, качества обозначают и отдельные существительные типа *зишт, (зишт девор), темир (темир дарвоза), кумуш (кумуш қошиқ)* и т.д. Однако это не значит, что семантические планы наречия, прилагательного, глагола и отдельных существительных не отличаются друг от друга. Все они отличаются друг от друга в отношении характера обозначаемых ими значениями. Так, наречием обозначаются

признаки и качества действия, состояния; прилагательным - признаки и качества предмета, явления; глаголом - признаки и качества предмета и движения, действий. Значения наречия - это признак, свойства признака состояния. Значение прилагательного - признак, свойство статического (недействующего) характера, а значение глагола - признак процессуальности, динамического характера. В чем и заключаются различия между семантическими планами и наречия, прилагательного и глагола.

Наречия в грамматико-семантическом плане наиболее близки к прилагательным. Но это не значит, что они не различимы друг от друга. Наречие в семантико-грамматическом плане зависимо от глагола, а прилагательное от существительного. Значения наречия или прилагательного реализуются в синтагматическом окружении, в котором в качестве партнеров наречия выступают глаголы, а партнерами прилагательных выступают существительные. Таким образом, реализация всякого значения, и семантического, и грамматического плана, зависит от синтагматической особенности лексем. Синтагматические возможности глагола осуществляются при их связи с существительными. Значит,

значение глагола зависит от значения существительного, которое реализуется через предикативную конструкцию.

2. Грамматические значения первоначально бывают, абсолютно, гетерогенными и абсолютно, гомогенными; первое из них характерно для имен существительных, а второе для наречий. Между гетерогенными и гомогенными грамматическими значениями функционируют и значения для других, кроме существительного и наречия, знаменательных частей речи. В промежуточных грамматических значениях синхронно - синкретично совмещаются признаки и гетерогенных и гомогенных грамматических значениях, которые не характерны для грамматических значений существительного и наречия. Отсюда ясно, что промежуточные грамматические значения - это грамматические значения прилагательных, глаголов, которые могут называться гетерогенно-гомогенными значениями. Гетерогенно-гомогенные грамматические значения характеризуются тем, что они являются гетерогенными, а также и гомогенными по отношению к грамматическим значениям других лексико-грамматических категорий. Так, например, грамматическое значение прилагательного - гомогенное

значение отношения грамматического значения имени существительного, а гетерогенное оно в отношении грамматического значения наречия. Подобную же характеристику имеет и в грамматическое значение глагола. Грамматическое значение глагола является гомогенным в отношении грамматического значения существительного, а гетерогенным - в отношении грамматического значения наречия. Абсолютно, гетерогенный характер грамматического значения имен существительных характеризуется тем, что оно абсолютно независимое значение, оно не подчиняется значениям ЧР. Абсолютно, гомогенный характер грамматического значения наречия объясняется тем, что оно только подчиненное. Оно зависимо от грамматических значений глагола и прилагательного, реже - существительного. Грамматическим значениям наречия не подчиняются значения, каких-либо лексико-грамматических категорий системы ЧР.

3. Своеобразный характер носит и формально-лингвистический план наречий. Первоначально образовались существительное и глагол. Прилагательное и наречие после них. Это объясняется тем, что

человечеством, прежде всего, ощущались объективный мир и его предметы, явления, а потом их действия и состояния. Ощущение признаков, качеств осуществлялось после всех этих. Поэтому и названия этих явлений появились самыми последними в качестве прилагательных и наречий. Появление глаголов, прилагательных и наречий после существительных отмечается со стороны А.А.Потебни и И.М.Пешковского [2, с.300; 3, с.98]. Имеются разные классификации ЧР, некоторые из них носят традиционный характер. Однако, среди них есть и нетрадиционные. Согласно одно из таких классификаций, ЧР делятся на две группы: автосемантические и синсемантические. Все знаменательные ЧР отнесены к первой группе, все служебные - ко второй.

4. Разделение на группы автосемантических и синсемантических характерно и для систем знаменательных ЧР, где существительное и глагол рассматриваются автосемантическими [8, с.13], а остальные - прилагательное, числительное, наречие - синсемантическими ЧР. Ясно, что местоимения занимают промежуточную зону - между автосемантическими и синсемантическими знаменательными ЧР. Те

местоимения, которыми осуществляются функция и значения существительных и глаголов, относятся к автосемантическим группам; те местоимения, которыми осуществляются значения и функции других ЧР к синсемантическим группам.

5. Наречия в предложении функционируют как обстоятельства, что является основной их синтаксической функцией, с точки зрения, которой определяется их изосемантическая функция [7, с.126]. Неизосемантическая функция наречий наблюдается, если они функционируют в предложении в качестве члена предложения, кроме обстоятельства. Неизосемантическая функция наречий в предложении осуществляется под влиянием отдельных разновидностей транспозиции (конверсии) - субстантивации, адъективизации прономинализации и вербализации. Всем этим определяется своеобразная сложность категории наречия.

6. Наречиям свойственна система собственного словообразования, как это наблюдается в системах имен существительных, прилагательных и глаголов. В словообразовательной системе наречия важную роль играет аффиксация и композиция, которые являются основными и

ведущими способами при образовании новых лексических единиц категории наречия. Наблюдаются случаи, когда слова, других ЧР в составе которых имеются морфологические показатели словоизменения и форм образования, рассматриваются в качестве наречия (*тўсатдан, кўққисдан, бирдан, бирданига* и т.д.), что не характерно для систем других ЧР.

7. При сопоставительном изучении наречий узбекского и таджикского языков выяснилось то, что между системами категорий наречий узбекского и таджикского языков, имеются определённые сходства и различия, которые характеризуются в отношении, в основном, характера их грамматического строя. В лексике таджикского и узбекского языков имеется общий пласт, который состоит из лексических заимствований арабского происхождения: *аввало, азал, ахён- ахён, виждонан, воқеан, доимо, доимий, жисмонан, иттифоқо//иттифоқан, ихтиёран, мажбуран, такроран, тасодифан, тақлидан* и т.д. Некоторые из них в узбекский язык заимствованы через таджикский язык, чем определяется роль таджикского языка в развитии узбекского

языка и при обогащении его лексики.

Наблюдается сходство между таджикским и узбекскими языками в отношении образования отдельных сложных, парных и повторных слов. *Бу ер-инчо, у ер-он чо, бу тараф-ин тараф; ҳар ер-ҳар ер-ҳар чо-ҳар чо, бугун (бу кун) –имрӯз* и т.д. Подобное же соответствие характерно и для механизма функционирования способа аффиксации в таджикском и узбекском языках. Суффиксация является одним из ведущих способов словообразования в обоих языках.

Теоретические подходы

Следует отметить, что эти сходства в системе словообразования узбекского и таджикского языков не значат, что эти языки не отличаются друг от друга. Некоторые производные по составу слова заимствованы в узбекский язык из таджикского. А также модели словообразовательных структур производных слов типа *эшикма-эшик, кўчама-кўча, бирма-бир* и др. характерны для образования повторных и парных слов таджикского языка (*дам-бадам, дар-бадар*), которые заимствованы узбекским языком из таджикского языка [5, с.169].

Одним из основных различий в системе словообразования

узбекского и таджикского языков является то, что для таджикского языка характерно образование наречий посредством префиксации и инфиксации, которое отсутствует в системе аффиксального словообразования узбекского языка.

Таджикские и узбекские языки отличаются друг от друга и в отношении характера процесса конъюнкционализации наречий. В узбекском языке при конъюнкционализации образуются послелюги, а в таджикском предлоги. Эти особенности объясняются тем, что узбекский язык по своему грамматическому строю относится к языкам агглютинативного строя, а таджикский-частично флективного строя.

Таджикский язык является языком с предлогами, а узбекский – языком с послелогом. Предлоги и послелюги – явления разного плана. В языках с предлогами синтаксические отношения (например, объективные релятивные) осуществляются посредством предлогов, а в языках с послелогом, наоборот, посредством послелогов. В узбекском языке процесс конъюнкционализации наречий более активен, чем процесс конъюнкционализации наречий в таджикском языке.

Процесс конъюнкционализации наречий в узбекском языке осуществляется под влиянием определенных законов логики, в которых конъюнкционированные послелог отрицает прежние признаки, которые были свойственными в наречиях. Конъюнкционализация наречий длительный и сложный процесс: первоначально они являлись или существительными, или прилагательными, или глаголами; а потом – наречиями, а потом – послелогами. Послелог – конечный результат процесса конверсии, а также и явление конъюнкционализации и является последней стадией конверсии (транспозиции). Все эти процессы не характерны для системы предлогов в таджикском языке, чем и определяется различие между наречиями таджикского и узбекского языков.

Различия подобного характера системы наречий этих языков этим ещё не исчерпаны. Дальнейшее изучение их в семантическом плане необходимо и важно. Сравнительное изучение системы наречий и других ЧР важно и необходимо еще и в том смысле, что оно способствует научному осмыслению грамматического строя

таджикского и узбекского языков.

Таким образом, наречия каждого языка характеризуются своим и своеобразными грамматическими и семантическими особенностями, изучение которых имеет важное теоретическое и практическое значение.

Сходство между наречием и деепричастием отмечается и проф. А.Н.Баскаковым, который пишет о том, что деепричастная форма глагола по своей категориальной особенности, сближается к наречию, как его инфинитивная форма сближается с существительным; а причастная его форма с прилагательным [1, с. 121-134]. Сходства наречия и деепричастия в отношении общности категориальных особенностей отмечается и со стороны представителей общего языкознания. Точки зрения ученых, которые подчеркивают сходства наречия и деепричастия в отношении общности категориальных их особенностей, почти сходятся. Основным различием, по которому отличается наречие от деепричастной формы глагола, в основном, является то, что деепричастие – это глагол, одна из функциональных форм глагола, как инфинитив и причастие, и оно обозначает признак и свойства процессуальности.

Процессуальность – это основное грамматическое значение глагола. Несмотря на это, деепричастие в грамматико-синтагматическом плане функционирует как наречие. В синтагматическом окружении позиция обстоятельства заполняется наречием и деепричастием. Значит, функционирование в качестве обстоятельства - главная синтаксическая функция и наречия, и деепричастия.

Еще точнее и убедительнее представляется сходство наречия и деепричастия при сравнении наречия с другими частями речи, которые не имеют форм словоизменения. Так, не характерны формы словоизменения для категорий прилагательного, числительного и отдельной разновидности местоимения, не свойственны им системы склонения и спряжения. С этой точки зрения наречие находится на равном уровне с прилагательным и, числительными и отдельными разновидностями местоимения. В отношении отсутствия системы словоизменения в системе наречий, оно (наречие) сближается и с служебным и ЧР.

Другой особенностью схождения наречия и деепричастия является то, что лексические единицы обеих сравниваемых друг с другом категорий не принимают аффиксов разных грамматических категорий после

себя. На основе этой особенности наречие (также деепричастие) отличаются от прилагательных, числительных и отдельных разновидностей местоимения.

Отдаление наречия от сходных для него частей речи (прилагательного, числительного, местоимения) и сближение его с глагольной формой - деепричастием объясняется еще тем, что слабыми, пассивными является склонность деепричастия и наречия к явлению транспозиции (конверсии), что наиболее активно наблюдается при транспозиции прилагательного, числительного и отдельных местоимений, которые легко субстантивируются в речи и легко занимают позицию существительных в предложении. Например, *эр // эркак←эркак одам «мужчина←, человек мужского пола»; қиз/одам «девочка←молодой человек женского пола».*

Не изменяется лексико-грамматическая природа наречий, если в их составе употребляются некоторые аффиксы системы словоизменения, чем и оно (наречие) отличается от других частей речи, таких как прилагательное, числительное, местоимение и т.д. Например: *кундан-кун, кундан-кунга, йилдан-йил, йилдан-йилга, бекордан-бекор, бекордан-бекорга.* В данных случаях сохраняется и

прежняя их синтаксическая функция.

При употреблении с аффиксами словоизменения слова категорий прилагательного, числительного и отдельных разновидностей местоимения происходят значительные изменения в семантико-грамматических планах этих слов, это нетрудно заметить в семантико-грамматических планах слов «яхши», «ёмон» в предложении «*яхшини яхши дейдилар, ёмонни-ёмон*» где словоформы *яхшини, ёмонни* (*яхши+ни, ёмон+ни*) отличаются от их исходных форм *яхши* и *ёмон*. Словоформы *яхшини, ёмонни* в данном случае обозначают *лица*, одно из них отличается положительным своим качеством от других (*ёмонни*), у которых имеется отрицательное качество. Формы *яхши дейдилар, ёмон дейдилар* - результат вербализации прилагательных *яхши* и *ёмон*, которые употреблены в позиции сказуемых компонентов сложного предложения (*яхшини яхши дейдилар, ёмонни ёмон*).

Функциональное сходство наречия и деепричастия обнаруживается и в отношении характера подчинительной связи, которые осуществляются в синтагматических их возможностях: наречие зависимо от глагола, что характерно и для деепричастия. Различие

заключается в том, что зависимость наречия от глагола осуществляется шире, чем зависимость деепричастия от глагола. Синтагматическая возможность деепричастия ограничена, оно зависимо по отношению к глаголу только финитной формы, а синтагматическая потенциальность наречия осуществляется функциональной формой глагола: инфинитива (*настдан қараиш*), и самой формой деепричастия (*настдан қараб//қараганда*).

Еще одно из сходств наречия и деепричастия определяется в отношении их характера в составе синтагматического единства: и наречие, и деепричастие в составе синтагмы занимают позицию зависимого (подчиняющегося) компонента, а не господствующего, стержневого.

И наречие и деепричастие реализует примыкание, которое является одной из разновидностей подчинительной связи, и при его помощи осуществляется синтаксическое отношение между отдельными разновидностями обстоятельства и сказуемого, где сказуемое является стержневым компонентом синтагмы в отношении обстоятельства, что выступает в качестве зависимого ее компонента, т.е. синтагмы. При участии наречия образуются

словосочетания с примыканием. Словосочетания с примыканием образуются и при участии прилагательных, числительных, местоимений и причастий. Однако словосочетания с примыканием, образованные при участии наречия отличаются от тех словосочетаний тем, что они имеют характер словосочетания с примыканием глагольного типа, а те – словосочетания с примыканием именного типа. И в этом отношении между наречиями и деепричастиями имеется сходство, ибо функция деепричастия в синтаксическом окружении является зависимым компонентом глагольного словосочетания с примыканием.

Полученные результаты

Следует подчеркнуть, что все эти сходства между наречиями и деепричастиями не дают основания рассматривать их как однозначные по всем параметрам языковые явления. Они отличаются друг от друга в отношении общеграмматической и общесловарной их особенностей. Это характеризуется, прежде всего, тем, что наречие – это самостоятельная лексико-грамматическая категория в общей системе ЧР, а деепричастие – одна из функциональных форм глагола. Оно не является самостоятельной лексико-грамматической

категорией в общей системе ЧР, как занимают такое место в ней другие ЧР – существительное, прилагательное, числительное, местоимение и глагол.

Различие между наречиями и деепричастиями наблюдается и в синтаксических их функциях. Синтаксическая функция наречия ограничена, оно обычно употребляется в позиции обстоятельства. А синтаксические возможности деепричастия шире, чем синтаксической возможности наречия. Деепричастие, кроме позиции обстоятельства, может выступать в качестве сказуемого придаточных предложений в сложноподчиненных предложениях. В отдельных случаях деепричастие употребляется и в функции сказуемого (одного из компонентов) первого компонента промежуточных сложных предложений. Кроме этого, деепричастия могут выступать в качестве стержневого компонента словосочетаний (синтагмы) в предложении, образуя деепричастный оборот, что не характерно для наречий. Деепричастием реализуются отдельные обстоятельственные валентности глагола, чем оно отличается от наречия.

Заключение

Можно сделать вывод, что различие (несходство) между наречиями и деепричастиями в отношении их содержательных планов определяется тем, что выражение признака, свойства, действия и состояния наречия осуществляется без каких – либо грамматических показателей, т.е. без аффиксов формообразования, а данная функция деепричастия осуществляется с помощью формообразующих аффиксов. Семантические сходства наречий и деепричастий в определенной мере ограничены. Семантическое сходство этих двух категорий определяется только в отношении выражения им значения признака действия и состояния предметов, явлений, что характеризуется адвербиальным значением. У наречий, в отличие от деепричастий, имеется и адъективное значение, чем наречие сближается с прилагательным.

Значительное различие наблюдается и в отношении адвербиального значения наречия и деепричастия. Например, адвербиальное значение места не характерно для грамматической семантики деепричастия, а оно характерно для семантики грамматического плана наречия.

Лишь в отношении значения времени совершения действия и состояния наречие и деепричастие находятся на одном уровне, но и там имеется

определенное несходство: значение времени совершения действия и состояния у наречий осуществляется собственно (чисто) лексическим способом, а у деепричастий оно осуществляется грамматическим способом.

Сближение содержательных планов наречия и деепричастия обнаруживается в отношении выражения ими значений *цели* и *причины* совершения действия и состояния. Следует вывод о том, что сходство наречия и деепричастия определяется в отношении синтагматического их плана. Однако в отношении самостоятельности первого (наречия) и несамостоятельности второго (деепричастия), они не могут рассматриваться однозначно на одном общем лексико-грамматическом уровне. С точки зрения словарного значения, наречие может находиться на одном уровне только с прилагательными, что подтверждается употреблением слова типа - *яхши* (*хороший* //оe//ая) и *ёмон* (*плохой* //оe//ая) и в функции наречия, и в функции прилагательного.

References:

1. Baskakov N.A. К вопросу о классификации тюркских языков. Известия АН СSSR. Отделение литературы и языка. - Т. XI. Вып. 2. - Москва, 1952.

2. Potebnya A.A. Polnoe sobraniye trudov. Misl i yazik (Tekst). – Moskva: Labirint, 1999.
3. Peshkovskiy A.M. Russkiy sintaksis v nauchnom osvechenii / A.M.Peshkovskiy. – Moskva, 1956.
4. Rubinchik Yu. A., Muravyova A.N. Artikl v sovremennom tadjikskom i persidskom yazikax - Kratkiye soobsheniya Instituta vostokovedeniya AN SSSR. Vip. 29. -Moskva, 1959.
5. Sayidiraximova N., Sayidiraximova D. O'zbek tilshunosligida ravish va uning talqini / Russkaya literatura i Vostok –Andijon, 2010.
6. Sayidiraximova N.S. O'zbek va tojik tillari munosabatining ekstralingvistik asoslari haqida // O'zMU xabarlari. –Toshkent, 2010. -№3/1. –S.166.
7. Lutfullayeva D. Gapni semantik-sintaktik qoliplashtirish asoslari. Monografiya. - Toshkent: Fan, 2005. –B.138.
8. Sayidiraximova D.S., Kabulova U.S. O xaraktere lingvisticheskogo izmeneniya narechiy. – Tashkent: TDPU, 2016.